

А

Но стекла вставляли очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный ученый директор и не допускал никакого беспорядка, несмотря на то что большую часть своего времени проводил в занятиях с микроскопом в особой стеклянной будочке, устроенной в главной оранжерее.

- А! - сказал он. - Я знаю это дерево. - И он назвал его родным именем.

- Настоящее имя есть то, которое дается наукой, - сухо сказал ботаник и запер дверь будочки, чтобы ему не мешали люди, не понимавшие даже того, что уж если что-нибудь сказал человек науки, так нужно молчать и слушаться.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось всё грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, ее солнце и небо, ее роскошные леса с чудными зверями и птицами, ее пустыни, ее чудные южные ночи. И вспомнил еще, что нигде не бывал он счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушел из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой.

- Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? - спросила саговая пальма, очень любившая сырость. - Я, право, кажется, засохну сегодня.

- Меня удивляют ваши слова, соседка, - сказал пузатый кактус. - Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотрите на меня: мне дают очень мало влаги, а я все-таки свеж и сочен.

- Мы не привыкли быть чересчур бережливыми, - отвечала саговая пальма. - Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. И кроме всего этого, скажу вам еще, что вас не просят делать замечания.

Сказав это, саговая пальма обиделась и замолчала.

- Что касается меня, - вмешалась корица, - то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скучновато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не обдерет.

- Но ведь не всех же нас обдирали, - сказал древовидный папоротник. - Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле.

Тут корица, забыв, что ее обдирали, оскорбилась и начала спорить. Некоторые растения вступились за нее, некоторые за папоротник, и началась горячая перебранка. Если бы они могли двигаться, то непременно бы подрались.

Сначала никто не возражал пальме: все молчали и не знали, что сказать.

Наконец саговая пальма решилась.

- Всё это глупости, - заявила она.

И пальма гордо смотрела зеленой вершиной на лес товарищей, раскинутый под нею. Никто из них не смел ничего сказать ей, только саговая пальма тихо сказала соседке-цикаде:

- Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась, гордячка!

- Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол тверд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

- Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять даже одной своей веточки. Нет, я вам не товарищ. Растите, будьте счастливы. Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Тогда пальма принялась расти. И прежде посетители оранжереи удивлялись ее огромному росту, а она становилась с каждым месяцем выше и выше.

Директор ботанического сада приписывал такой быстрый рост хорошему уходу и гордился знанием, с каким он устроил оранжерею и вел свое дело.

При этом он с довольным видом похлопывал твердое дерево своею тростью, и удары звонко раздавались по оранжерее. Листья пальмы вздрагивали от этих ударов. О, если бы она могла стонать, какой вопль гнева услышал бы директор!

И она росла, тратя все соки только на то, чтобы вытянуться, и лишая их свои корни и листья. Иногда ей казалось, что расстояние до свода не уменьшается. Тогда она напрягала все силы. Рамы становились всё ближе и ближе, и наконец молодой лист коснулся холодного стекла и железа.

- Смотрите, смотрите, - заговорили растения, - куда она забралась! Неужели решится?

- Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! - сказала толстая цикада, со стволом, похожим на бочку. - И чего тянется? Всё равно ничего не сделает. Решетки прочны, и стекла толсты. Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения.

- Скажите мне, неужели вам не больно? Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить? - спросила она пальму.

- Больно? Что значит больно, когда я хочу выйти на свободу? Не ты ли сама ободряла меня? - ответила пальма.

- Молчи, слабое растение! Не жалею меня! Я умру или освобожусь!

И в эту минуту раздался звонкий удар. Лопнула толстая железная полоса. Посыпались и зазвенели осколки стекол. Один из них ударил в шляпу директора, выходявшего из оранжереи.

- Что это такое? - вскрикнул он, вздрогнув, увидя летящие по воздуху куски стекла. Он отбежал от оранжереи и посмотрел на крышу. Над стеклянным сводом гордо высилась выпрямившаяся зеленая крона пальмы.

Директор приказал спилить дерево.

- Можно бы надстроить над нею особенный колпак, - сказал он, - но надолго ли это? Она опять вырастет и всё сломает. И притом это будет стоить чересчур дорого. Спилить ее!

Пальму привязали канатами, чтобы, падая, она не разбила стен оранжереи, и низко, у самого корня, перепилили ее. Маленькая травка, обвинявшая ствол дерева, не хотела расстаться со своим другом и тоже попала под пилу. Когда пальму вытащили из оранжереи, на отрезе оставшегося пня валялись разможенные пилою, истерзанные стебельки и листья.

- Вырвать эту дрянь и выбросить, - сказал директор. - Она уже пожелтела, да и пила очень испортила ее. Посадить здесь что-нибудь новое.

Один из садовников ловким ударом заступа вырвал целую охапку травы. Он бросил ее в корзину, вынес и выбросил на задний двор, прямо на мертвую пальму, лежавшую в грязи и уже полусасыпанную снегом.